

Спасский А. А. Памяти профессора И. Н. Корсунского
(† 10 декабря 1899 г.): [Некролог] // Богословский вестник
1900. Т. 1. № 1. С. 120–137 (3-я пагин.).

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ИВАНА НИКОЛАЕВИЧА КОРСУНСКАГО.

(† 10 декабря 1899-го года).

12-го декабря истекшаго 1899 года Московская Духовная Академія схоронила своего ординарнаго профессора, доктора богословія, Ивана Николаевича Корсунскаго. Въ лицѣ почившаго сошелъ въ могилу одинъ изъ выдающихся дѣятелей академической семьи, неутомимый труженикъ, заявившій себя многими заслугами въ области богословской науки, духовнаго просвѣщенія и христіанской благотворительности. Полная трудовъ жизнь Ивана Н-ча, равно какъ и его высоко гуманная личность заслуживаютъ подробной біографіи, и такая біографія уже обѣщана редакціи „Богословскаго Вѣстника“ лицомъ, близко стоявшимъ къ покойному и имѣющимъ возможность пользоваться оставшимися послѣ него бумагами. Теперь же, спѣша исполнить долгъ памяти въ отношеніи къ умершему, мы ограничимся лишь необходимыми біографическими свѣдѣніями о немъ и расскажемъ о кончинѣ его и проходахъ, оказанныхъ почившему глубоко чтившей его Академіей и населеніемъ Сергіева посада.

Иванъ Николаевичъ былъ сыномъ бѣднаго причетника одного изъ сельскихъ приходоѡ Тульской епархіи. Не имѣя для жизненнаго пути никакого запаса, кромѣ природныхъ способностей, онъ долженъ былъ, подобно многимъ другимъ дѣятелямъ, вышедшимъ изъ духовнаго сословія, пробивать себѣ дорогу своимъ собственнымъ трудомъ. Начальное образованіе онъ получилъ въ мѣстномъ духовномъ училищѣ и, затѣмъ, продолжилъ его въ Тульской семинаріи, которую окончилъ въ 1870 году. Прекрасныя дарованія, образцовое прилежаніе и въ связи съ тѣмъ отличные успѣхи уже и те-

Иванъ Николаевичъ
КОРСУНСКІЙ.

перь обратили на него особое вниманіе, и онъ тотчасъ же по окончаніи курса Правленіемъ семинаріи былъ отправленъ на казенный счетъ въ Московскую Духовную Академію, куда и поступилъ въ числѣ студентовъ перваго десятка. Результаты академическаго курса оказались еще болѣе блестящи: въ 1874 году Иванъ Н-ичъ вышелъ изъ Академіи первымъ магистрантомъ богословскаго отдѣленія и вскорѣ же (26 Юля 1874 г.) получилъ назначеніе на должность преподавателя греческаго языка въ родную Тульскую семинарію. Нужно думать, что еще на студенческой скамьѣ для Ив. Н-ча опредѣлилась та ученая специальность, которой онъ остался вѣренъ въ теченіи всей своей жизни. Въ Академіи онъ слушалъ греческій языкъ и притомъ у такого знатока этого предмета, какъ покойный Ректоръ Академіи, С. К. Смирновъ; точно также и на четвертомъ курсѣ, согласно требованіямъ стараго устава, онъ практиковался и пробныя лекціи сдавалъ по этой же наукѣ. Вѣроятно, и самое назначеніе его въ преподаватели именно греческаго языка состоялось не безъ его личнаго согласія,—что предполагалось уже само собою при прежнемъ порядкѣ опредѣленія кандидатовъ Академіи на службу. Впрочемъ, на этотъ разъ ему не пришлось долго заниматься своимъ избраннымъ предметомъ въ Тульской семинаріи. Въ 1876 году онъ перешелъ на должность смотрителя Тульскаго же духовнаго училища, гдѣ весьма скоро зарекомендовалъ себя съ самыхъ лучшихъ сторонъ. Соединяя въ себѣ общительный и мягкій характеръ съ любящимъ сердцемъ, Ив. Н-чъ какъ бы самой природой былъ приспособленъ къ тому, чтобы руководить начинающими свое дѣло дѣтьми въ непривычной для нихъ школьной обстановкѣ, облегчать для нихъ своимъ ласковымъ обхожденіемъ горькій корень ученія. Нижепечатаемая воспоминанія о немъ, какъ смотрителѣ, двухъ его учениковъ по училищу,—теперь профессоровъ Московской Академіи ¹⁾,—показываютъ, что въ отношеніи къ своимъ ученикамъ это былъ скорѣе попечительный отецъ, старшій и занимательный товарищъ, а никакъ не грозный начальникъ. Педагогическія заботы Ив. Н-ча оцѣнены были и ближайш-

¹⁾ Разумѣемъ произнесенныя надъ гробомъ Ив. Н-ча рѣчи профессоръ С. С. Глаголева и П. В. Тихомирова.

шимъ его начальствомъ; когда менѣе, чѣмъ черезъ четыре года, онъ оставлялъ и Тулу, и смотрительство въ училищѣ, ему была объявлена благодарность мѣстной Епархіальной власти „за особые его труды и примѣрное усердіе по сей должности“.

Но Тула была сферой слишкомъ узкой для примѣненія богатыхъ способностей Ив. Н-ча. Его тянуло къ Академіи съ ея высокими учеными интересами, неисчерпаемыми книжными сокровищами и полною возможностью работать въ излюбленной области науки. И вотъ, когда въ 1878 году въ Московской Дух. Академіи открылась должность бібліотекаря, Ив. Н-ичъ поспѣшилъ воспользоваться представившимся случаемъ, подалъ прошеніе въ Совѣтъ Академіи и, затѣмъ, былъ избранъ и утвержденъ бібліотекаремъ. Выборъ новаго бібліотекаря оказался какъ нельзя болѣе удаченъ. Обширнѣйшая академическая бібліотека давно уже нуждалась въ энергичномъ, преданномъ труду и знающемъ свое дѣло работникѣ. Заключая въ себѣ рѣдкое по древности и цѣнности собраніе изданій, обладая богатѣйшей литературой по богословскимъ наукамъ, которой въ настоящее время удивляются даже иностранцы, она еще не имѣла надлежаще составленнаго, полнаго и отвѣчающаго научнымъ требованіямъ, систематическаго каталога. Книжныя богатства были скрыты внутри бібліотеки, оставались неизвѣстными постороннему ученому міру, да и своими профессорами добывались съ большими затрудненіями. Съ чуткостью истиннаго бібліофила Ив. Н-чъ понялъ научную важность и практическую неотложность подробнаго описанія бібліотеки и съ перваго же года своего бібліотекарства, вмѣстѣ съ занятіями по управленію бібліотекой, принялся за составленіе его. Дѣло пошло съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Въ 1882 году уже вышелъ изъ печати первый выпускъ „Систематическаго каталога книгъ Моск. Дух. Академіи“, содержащій въ себѣ 1997 названій книгъ и изданій, относящихся къ тексту Св. Писанія и его изученію, а за нимъ скоро послѣдовали еще четыре выпуска, изъ которыхъ послѣдній—пятый—былъ напечатанъ въ 1889 г. Академія съ самаго же начала привѣтствовала этотъ подарокъ, важный не только для нея, но и для всего ученаго міра. Такъ, ревизія бібліотеки за 1879-80 учеб. годъ отмѣчала въ своемъ отчетѣ: „главное и

самое полезное дѣло, предпринятое въ истекшемъ учебномъ году, есть безъ сомнѣнія составленіе систематическаго каталога, которое ведется самимъ бібліотекаремъ. Вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу видно уже изъ напечатанныхъ частей каталога ¹⁾, а наше личное наблюденіе ознакомило насъ еще съ трудностями этой работы, зависящими отъ неполноты и несовершенства прежнихъ каталожныхъ описаній. Большую часть книгъ ему приходится описывать вновь, чтобы каждой дать свое мѣсто въ каталогѣ. Всѣ трудности преодолѣваются имъ съ настойчивостію и усердіемъ, заслуживающимъ полнаго одобренія (Журналы Совѣта, 1880, 231. 232)“. И, дѣйствительно, настойчивости и усердія требовалось не мало. О количествѣ труда, положеннаго Ив. Н-чемъ въ это предпріятіе, можно судить уже по тому одному, что имъ описано было 11,455 названій книгъ, при чемъ нерѣдко одно названіе скрываетъ подъ собою десятки, а иногда и сотни книгъ. Въ изданіяхъ многотомныхъ отмѣчено ихъ содержаніе, и къ каждому тому каталога приложенъ образцово составленный указатель, облегчающій пользованіе имъ. Понятно, что эти многолѣтнія и тщательныя занятія по бібліотекѣ должны были создать въ Ив. Н-чѣ рѣдкое знаніе книжныхъ сокровищъ; его можно было назвать ходячей бібліотекой; онъ зналъ не только то, имѣется-ли извѣстное изданіе въ академической бібліотекѣ, но и то, въ какомъ отдѣленіи и даже въ какомъ шкафѣ оно хранится, и охотно дѣлился своими свѣдѣніями съ желающими. Нельзя, поэтому, не пожалѣть, что другія болѣе важныя обязанности понудили его отказаться отъ окончанія каталога: безъ сомнѣнія, подъ его опытнымъ руководствомъ каталогъ, съ тѣхъ поръ крайне медленно движущійся впередъ, гораздо скорѣе приблизился бы къ своему давно всеми ожидаемому завершенію ²⁾.

¹⁾ Каталогъ печатался въ тогдашнемъ академическомъ журналѣ „Творенія Св. Отцевъ съ приложеніями“, — и печатался микроскопическими долями, чѣмъ весьма замедлялось появленіе выпусковъ въ законченномъ видѣ.

²⁾ Нѣсколько позднѣе Ив. Н-чу еще разъ пришлось оказать важную услугу академической бібліотекѣ въ дѣлѣ пожертвованія покойнымъ Саввой, Архіеп. Тверскимъ, своего книжнаго собранія въ Академію. Это пожертвованіе, цѣнность котораго самимъ Ив. Н-чемъ опредѣлялась по

Служба Ив. Н-ча академической наукѣ въ званіи бібліотекаря была только кратковременной переходной стадіей на его жизненномъ пути. Его ожидало другое, болѣе почтенное назначеніе, на которое онъ имѣлъ безспорное право по своимъ способностямъ. Въ томъ же 1879 году, когда онъ занялъ мѣсто бібліотекаря, тогдашній Ректоръ Академіи, протоіерей С. К. Смирновъ, читавшій лекціи по греческому языку, вошелъ въ Совѣтъ съ предложеніемъ о необходимости имѣть себѣ помощника по исполненію профессорскихъ обязанностей и для этой цѣли рекомендовалъ Совѣту Ив. Н-ча, какъ человѣка, извѣстнаго ему по своимъ познаніямъ въ области греческаго языка. Академическій Совѣтъ принялъ предложеніе о. Ректора, и Ив. Николаевичъ, по сдачѣ диссертации *pro venia legendi*, 9 Января 1880 г. утвержденъ былъ приватъ-доцентомъ по кафедрѣ греческаго языка. Новое назначеніе составило собой поворотный моментъ въ жизни Ив. Н-ча; возвращая его къ болѣе глубокому изученію уже хорошо знакомаго предмета, оно въ тоже время открывало для него полную возможность къ всестороннему проявленію своихъ талантовъ и прямо призывало его къ ученымъ занятіямъ, къ которымъ онъ давно чувствовалъ склонность и которыя съ этихъ поръ не прекращались для него до самой смерти. Впрочемъ, въ первые годы своей службы въ качествѣ приватъ-доцента онъ еще не покидалъ должности бібліотекаря; быть можетъ, скудное матеріальное вознагражденіе, какое по старымъ академическимъ штатамъ полагалось приватъ-доцентамъ (500 р.), не позволяло ему,—тогда уже семейному человѣку,—отказаться отъ обременительныхъ обязанностей, связанныхъ съ завѣдываніемъ бібліотекой. Все-таки за это время ему удалось выполнить такое важное дѣло, какъ приобрѣтеніе магистерской степени. Представивъ магистерскую диссертацию въ рукописи еще въ 1879 году, онъ въ 1882 г. издалъ ее въ печати подъ заглавіемъ: „Иудейское толкованіе Ветхаго Завѣта. Опытъ изслѣ-

крайней мѣрѣ въ 50,000 р., состоялось преимущественно подъ его влияніемъ; равнымъ образомъ выборъ подходящихъ книгъ и переправка ихъ въ Академію производились при личномъ его содѣйствіи и руководствѣ. Въ свое время Совѣтъ Академіи выразилъ ему за это свою благодарность и представилъ его особому вниманію Его Преосв. Митрополита Сергія.

дованія въ области исторіи толкованія Ветхаго Заѣта въ періодъ новозавѣтный“ и затѣмъ, удовлетворительно сдавши публичный диспутъ, былъ въ томъ же году утвержденъ въ степени магистра богословія. Приобрѣтеніе этой степени имѣло для него важное значеніе въ томъ отношеніи, что оно укрѣпляло его положеніе въ Академіи, особенно въ виду предполагавшагося тогда скорого введенія новаго устава, требовавшаго отъ приватъ-доцентовъ, прослужившихъ не менѣе двухъ лѣтъ, магистерской степени. Съ введеніемъ новаго устава, послѣдовавшимъ въ 1884 году, Ив. Н-чъ тотчасъ же и былъ избранъ уже доцентомъ по кафедрѣ греческаго языка; теперь онъ отказался отъ должности бібліотекаря, и для него настала пора неутомимой, не отвлекаемой сторонними официальными обязанностями, ученой и литературной дѣятельности. Успѣхами этой дѣятельности опредѣлилось и дальнѣйшее его движеніе по лѣстницѣ академическихъ званій; въ 1891 году онъ былъ избранъ экстра-ординарнымъ профессоромъ Академіи, а въ 1898 годѣ, по представленіи докторской диссертациі, о которой рѣчь будетъ ниже, достигъ званія ординарнаго профессора.

Какъ профессоръ, Ив. Н-чъ заявилъ себя двумя драгоцѣнными въ этомъ положеніи качествами: прекраснымъ знаніемъ своей науки и примѣрною любовью къ своему дѣлу. Начавъ специальное изученіе греческаго языка, какъ мы видѣли, еще на студенческой скамьѣ, онъ вступилъ на профессорскую кафедру вполне подготовленнымъ къ исполненію этихъ обязанностей, и все-таки не оставлялъ изученія своего предмета въ теченіи всей своей академической службы. Эти продолжительныя и сосредоточенныя занятія греческимъ языкомъ сдѣлалл Ив. Н-ча выдающимся знатокомъ его, — такимъ, какіе въ настоящее время встрѣчаются только, какъ исключеніе. Онъ зналъ греческую рѣчь во всѣхъ ея тонкостяхъ и прекрасно изучилъ какъ древне-греческую, классическую литературу, такъ и греческіе памятники христіанской эпохи. „Знаніе греческаго языка, — говоритъ одинъ изъ рецензентовъ его докторской диссертациі подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отъ чтенія его книги, — настолько хорошо у него, что онъ положительно перестаетъ для него быть мертвымъ языкомъ, а становится живымъ, едва не роднымъ (Жур. Сов. 1897, 472). Естественно отсюда, что и его

лекціи по греческому языку давали слушателямъ обильное и интересное содержаніе, стоявшее всегда на высотѣ научныхъ требованій. Къ своимъ обязанностямъ по части чтенія лекцій Ив. Н-чъ относился очень строго; чрезвычайно аккуратный, тщательный во всѣхъ своихъ поступкахъ, онъ не терпѣлъ пропускать лекцію или запоздать на нее. Даже въ то время, когда предсмертная болѣзнь окончательно приковала его къ постели, главнымъ предметомъ его тревоги служилъ вопросъ о лекціяхъ. Но любопытно, что это ригористическое исполненіе Ив. Н-емъ своего профессорскаго долга отнюдь не ложилось какимъ-нибудь тяжелымъ ярмомъ на его слушателей. Въ отношеніи къ студентамъ онъ былъ весьма снисходителенъ. Хорошо понимая, что изученіе греческаго языка въ Академіи на ряду съ главнѣйшими богословскими науками можетъ имѣть лишь вспомогательное значеніе, онъ цѣнилъ только свободныя усилія учащихся и былъ далекъ отъ всякихъ искусственныхъ, понудительныхъ мѣръ, отъ всякаго насильственного подтягиванія. Подобныя мѣры положительно претили его гуманной, въ высшей степени мягкой натурѣ. За то студентъ, интересовавшійся какимъ-либо вопросомъ изъ области, близкой Ив. Н-чу, или испытывавшій какое либо затрудненіе, всегда могъ обращаться къ нему и находилъ въ немъ опытнаго руководителя, помогавшаго всѣмъ, что онъ зналъ и имѣлъ. Его профессорскій кабинетъ ежечасно былъ открытъ для всѣхъ студентовъ, и каждому, входившему туда съ жаждою знанія, онъ готовъ былъ читать цѣлую лекцію. Продолжавшіяся за все время службы Ив. Н-ча при Академіи постоянныя сношенія съ студентами имѣли для нихъ немалое образовательное и воспитательное значеніе, и это понимали сами студенты и дорожили ими. Лучшимъ доказательствомъ сказаннаго могутъ служить нижепомѣщенныя рѣчи студентовъ, проникнутыя чувствами признательности и благодарности къ Ив. Н-чу за его добрыя отношенія къ нимъ.

Собственно профессорскія обязанности, при всей внимательности, съ какою исполнялъ ихъ Ив. Н-чъ, не поглощали у него всего времени; прекрасное знаніе своей науки давало ему возможность справляться съ ними легко, и у него оставалось не мало свободныхъ часовъ, которые онъ и посвящалъ главнымъ образомъ ученымъ и литературнымъ трудамъ.

Эти труды составляют собой самую видную, самую богатую сторону его дѣятельности въ теченіи двадцатилѣтней службы въ Академіи; въ ней наиболѣе наглядно проявились присущіе ему таланты: обширныя знанія, ученость и рѣдкое трудолюбіе; ей же онъ обязанъ и своего популярностію среди русской (по преимуществу духовной) читающей публики. Одна черта въ особенностяхъ поражаетъ при знакомствѣ съ этой стороной занятій Ив. Н-ча: это—его необыкновенная плодovitость. Ив. Н-чъ писалъ очень много, писалъ постоянно и по различнымъ вопросамъ. Можно сказать, что литературный трудъ составлялъ для него необходимую потребность, безъ которой онъ не могъ чувствовать себя довольнымъ. Перо его не знало усталости и одинаково легко работало какъ надъ ученой диссертацией, такъ и надъ мелкой замѣткой, вызванной интересомъ дня. Нерѣдко случалось, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы, что онъ одновременно велъ нѣсколько литературныхъ работъ,—занимался изслѣдованіемъ какого-нибудь специально—научнаго вопроса, готовилъ статью въ повременное изданіе и въ тоже время успѣвалъ отзываться на текущія событія. Многіе наши духовные журналы имѣли въ немъ наиболѣе дѣятельнаго своего сотрудника, который, въ добавокъ къ прочимъ достоинствамъ, отличался еще тѣмъ драгоценнымъ для редакціи свойствомъ, что почти не могъ противиться навязываемымъ ему предложеніямъ. Выступивъ на литературное поприще тотчасъ по окончаніи Академіи, еще въ бытность свою преподавателемъ Тульской семинаріи, Ив. Н-чъ продолжалъ быть на немъ неутомимымъ работникомъ до тѣхъ поръ, пока не застигла его болѣзнь, преждевременно оторвавшая его отъ многихъ начатыхъ работъ. И онъ оставилъ послѣ себя поразительное по своему обилію литературное наслѣдство: въ извѣстномъ намъ спискѣ его трудовъ, составленномъ однимъ изъ его почитателей, значится болѣе 200 наименованій отдѣльныхъ изслѣдованій, книгъ и статей, при чемъ въ счетъ не вводятся мелкія корреспонденціи, замѣтки, бібліографическія сообщенія и пр.

Кругъ интересовъ Ив. Н-ча, какъ литературнаго дѣятеля, былъ очень широкъ: Слово Божіе, вопросы греческой филологіи, исторія русской церкви, іерархія ея новѣйшаго періода, исторія и ученая дѣятельность Академіи, вопросы и событія церковной и общественной жизни—все это занимало его и

вызывало такой или иной откликъ себѣ. Но, какъ человѣкъ богословски образованный и профессоръ духовной Академіи, главнымъ предметомъ своихъ ученыхъ работъ онъ сдѣлалъ Слово Божіе, удачно приложивъ къ изученію его свои богатяя филологическія познанія. Эта серія работъ начата была имъ очень рано и продолжалась до конца его жизни. Она открывается уже упомянутой нами его магистерской диссертацией объ іудейскомъ толкованіи Ветхаго Завѣта, представленной, какъ мы видѣли, при самомъ поступленіи его на службу въ Академію. За магистерской диссертацией, какъ ея прямое продолженіе, вскорѣ же появилось въ свѣтъ новое изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Новозавѣтное толкованіе Ветхаго Завѣта (Москва, 1885)“. Обѣ книги были приняты русской богословской наукой, какъ цѣнный вкладъ въ нее, представляющій „первый самостоятельный и удачный опытъ рѣшенія взятыхъ вопросовъ съ православной точки зрѣнія (изъ отзыва о нихъ В. Д. Кудрявцева, Жур. Сов., 1885, 31)“. Московская Дух. Академія удостоила ихъ половиною преміи Высокопреосв. Макарія. Въ связи съ указанными изслѣдованіями задуманъ былъ Ив. Н-чемъ и третій въ этой области, самый солидный его ученый трудъ, заслуженно доставившій ему степень доктора богословія: это — его „Переводъ LXX-ти. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности (Троице-Сергіева Лавра, 1898)“. Въ этомъ трудѣ Ив. Н-чъ задался грандіозной цѣлю изучить языкъ перевода LXX-ти въ его отличіи отъ языка классическаго и прослѣдить его вліяніе на позднѣйшую, главнымъ образомъ, церковную греческую письменность. Тема въ полномъ ея объемѣ была новой не только для русской, но и для западной богословской литературы и, при всемъ трудолюбіи и филологическихъ познаніяхъ Ив. Н-ча, потребовала отъ него болѣе 10-ти лѣтъ упорной, кропотливой работы. За то и его изслѣдованіе оказалось дорогимъ подаркомъ наукѣ, обнаружившимъ наглядно богатство филологической эрудиціи и неисчерпаемую энергію автора. Представленное на разсмотрѣніе Совѣта Академіи, оно заслужило самыя лестныя отзывы обоихъ рецензентовъ, согласно признавшихъ его трудъ имѣющимъ важное значеніе „какъ для исторіи греческаго языка, такъ и для библейской текстуральной критики,“ и притомъ, „не только для нашей отечествен-

ной, но для заграничной литературы (Жур. Сов. 1887, 466. 452)“. Ив. Н-чь, впрочемъ, не успокоился и на этихъ блестящихъ результатахъ, достигнутыхъ его изслѣдованіемъ: въ качествѣ необходимаго дополненія къ нему онъ задумалъ издать „словарь перевода ЛXX-ти съ церковно-славянскими и русскими значеніями словъ и съ подраздѣленіемъ его на отдѣлы по употребленію этихъ словъ въ памятникахъ языческой и церковной письменности“. Словарь долженъ былъ дать въ себѣ солидное и давно ожидаемое руководство не только къ изученію греческой Библии, но и къ правильному пониманію произведеній святоотеческой и литургической литературы. Матеріалы для этой работы уже приготовлялись. Ив. Н-чемъ и только неожиданная смерть помѣшала ея осуществленію. Къ этой же серіи работъ, относящихся къ изслѣдованію текста Св. Писанія, принадлежатъ и его труды по исторіи перевода Библии на русскій языкъ, представляющіе также большой научный интересъ. Составленные на основаніи архивныхъ документовъ, лично разсмотрѣнныхъ авторомъ, они отличаются детальностью и безусловной точностью своихъ показаній и даютъ не только очеркъ внѣшняго хода работъ по переводу Библии, но и знакомятъ съ внутреннимъ его характеромъ. Главнѣйшій изъ этихъ трудовъ „О подвигахъ Филарета, Митрополита Московскаго, въ дѣлѣ перевода Библии на русскій языкъ (Москва, 1893)“ былъ въ свое время увѣнчанъ Академіей Наукъ Уваровскою преміей.

Другую, болѣе цѣльную группу изъ литературнаго наслѣдія, оставленнаго Ив. Н-чемъ, составляютъ его біографіи выдающихся нашихъ іерарховъ новѣйшаго періода и вообще духовныхъ дѣятелей. Искренній сынъ русской церкви, Ив. Н. глубоко чтить ея іерарховъ, съ почтеніемъ изучалъ ихъ дѣятельность, тщательно собиралъ о нихъ справки и при удобномъ случаѣ знакомилъ читающую публику съ результатами своихъ наблюденій. Этого рода труды Ив. Н-ча очень многочисленны. Въ нашей духовной журналистикѣ они создали для него въ нѣкоторомъ смыслѣ особое положеніе спеціальнаго обозрѣвателя жизни наиболѣе замѣчательныхъ іерарховъ,—своего рода „Плутарха ¹⁾“ русской церковной

¹⁾ Такъ называлъ его Г. Оберг-Прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ въ бытность свою въ Московской Академіи въ 1895 г.

іерархіи за новѣйшій періодъ. Составленные иногда при жизни самихъ описываемыхъ лицъ (напр. біографіи Преосв-тыхъ Амвросія Харьковскаго, Виссаріона Костромскаго), или вскорѣ послѣ смерти ихъ, еще подъ живыми впечатлѣніями отъ ихъ личности, эти очерки, конечно, не заключаютъ въ себѣ объективно-полнаго воспроизведенія и всесторонней оцѣнки изображаемыхъ въ нихъ дѣятелей, но по этому самому къ подобнымъ работамъ и нельзя примѣнять строгой исторической критики. За то все они отличаются точными документально проверенными свѣдѣніями, изобилуютъ характерными подробностями и въ общемъ даютъ цѣнную и поучительную для православнаго читателя галерею пастырей русской церкви. Изъ почившихъ іерарховъ Ив. Н-ча особенно увлекалъ мощный образъ Приснопамятнаго Святителя Московскаго церкви, Митрополита Филарета, изученію котораго онъ посвятилъ цѣлый рядъ книгъ и брошюръ. Не перечисляя всехъ его работъ о Филаретѣ, мы укажемъ на огромный трудъ его, содержащій въ себѣ какъ бы итогъ всехъ его долговременныхъ занятій Московскимъ Архiepастыремъ, подъ заглавіемъ: „Святитель Филаретъ, Митрополитъ Московскій. Его жизнь и дѣятельность на Московскои кафедрѣ по его проповѣдямъ (Харьковъ, 1895)“. Книга эта, или, лучше сказать, книжища (1053 стр.) писалась Ив. Н-емъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и по обилію собраннаго въ ней матеріала является единственною въ нашей литературѣ о Филаретѣ. Изъ другихъ біографій, составленныхъ Ив. Н-чемъ, слѣдуетъ, какъ заслуживающія особеннаго вниманія, отмѣтить его статьи объ Иннокентіи, Митрополитѣ Московскомъ, печатавшіяся въ „Богословскомъ Вѣстникѣ 1)“, біографическій очеркъ Преосв. Феодана, бывшаго епископа Владимірскаго (Тамбовскаго,—Москва, 1895), біографіи Сергія, Митрополита Московскаго, Саввы, Архiep. Тверскаго (печат. въ Русскомъ Вѣстникѣ), Антонія, Архiep. Казанскаго (посмертный трудъ, печат. въ журналѣ „Вѣра и Церковь“). Это литературное чествованіе памяти нашихъ лучшихъ іерарховъ всегда было любимымъ занятіемъ Ив. Н-ча,

1) Къ сожалѣнію обѣщанная имъ послѣдняя статья о содѣйствіи Митрополита Иннокентія учрежденію въ Московскои Академіи кафедры естественно-научной апологетики осталась ненаписанной, какъ, впрочемъ, и многое другое изъ предполагаемаго Ив. Н-емъ.

за которое онъ брался съ охотою; съ чувствомъ почтенія описывая ихъ жизнь, выставляя на видъ ихъ духовные и пастырскіе подвиги, онъ въ созерцаніи ихъ духовной мощи какъ бы искалъ отдыха себѣ отъ суеты и дрязгъ будничной жизни.

Постоянная ученая и литературная работа, требующая для себя кабинетной замкнутости, по-видимому, должна была бы отдалить Ив. Н-ча отъ живыхъ людей и ихъ обыденныхъ интересовъ. На самомъ же дѣлѣ этого не было. Изучая мертвый языкъ и умершихъ дѣятелей, Ив. Н-чъ оставался натурой крайне живой, отзывчивой, и не только не прерывалъ сношеній съ окружающимъ его обществомъ, а напротивъ дорожилъ этими сношеніями и, при всей массѣ собственныхъ занятій, былъ однимъ изъ энергичныхъ членовъ общества. Въ академическомъ кругу онъ являлся всегда желаннымъ человѣкомъ, искренно раздѣлявшимъ его печали и радости, готовымъ помочь и услужить всѣмъ, что было въ его власти. Необыкновенно сдержанный, скромный, никогда не говорившій о своихъ заслугахъ и очень рѣдко—о своихъ трудахъ, онъ безусловно не позволялъ себѣ никакого рѣзкаго, неловкаго слова и со всѣми находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Его домъ и семья собирали у себя всю профессорскую корпорацію, и здѣсь, въ свободные часы (у него былъ назначенъ для сего опредѣленный день въ недѣлѣ), самъ хозяинъ, обладавшій превосходнымъ голосомъ, замѣчательный пѣвецъ, искусный чтець и рассказчикъ, являлся душою, оживлявшей все общество. И эта общительность, эта готовность къ услугамъ не ограничивалась тѣсными предѣлами академическихъ сослуживцевъ; она простиралась гораздо дальше, къ меньшей братіи, и здѣсь выражалась уже въ формѣ благотворительности. Благотворительность, можно сказать, составляла такую же существенную стихію жизни Ив. Н-ча, какъ ученая и литературная дѣятельность. Всѣ, служащая этой цѣли, учрежденія Сергіева посада имѣли его своимъ сотрудникомъ, при чемъ обыкновенно случалось такъ, что главная масса работы въ этихъ учрежденіяхъ какъ по самой ихъ организаціи и приобрѣтенію средствъ, такъ и по веденію дѣла падала именно на Ив. Н-ча. И онъ никогда не отказывался отъ этой работы и не тяготился ею. Такъ, онъ состоялъ казначеемъ Братства Преп. Сергія, существующаго при Академіи для вспомо-

ствованія недостаточнымъ студентамъ, предсѣдателемъ Общества Преп. Сергія и Никона для бѣдныхъ жителей Сергіева посада, членомъ Совѣта Александро-Мариннскаго дома призрѣнія, секретаремъ Общества Краснаго Креста, казначаемъ сергіево-посадскихъ „ясель“, членомъ Общества спасенія на водахъ. Все это налагало на Ив. Н-ча лишнія заботы, требовало отъ него не мало трудовъ и времени. И онъ умѣлъ дорожить временемъ, какъ никто другой; онъ выработалъ себѣ своеобразный порядокъ жизни, отъ котораго позволялъ себѣ отступать лишь въ крайне-рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Вставая въ четыре или даже въ три часа утра, онъ тотчасъ же принимался за ученую или литературную работу, за которую и проводилъ все утро; затѣмъ, начиналась его профессорская или общественная дѣятельность: онъ шелъ или въ Академію на лекціи, въ бібліотеку за справками, или исполнялъ разныя порученія и обязанности по участию въ благотворительныхъ учрежденіяхъ; вечеромъ, если не предстояло какихъ-либо засѣданій, снова начиналась ученая и литературная работа. Рѣдкій день нельзя было его встрѣтить на улицахъ посада, спѣшащимъ по какому-либо дѣлу съ портфелемъ въ рукахъ или съ карманами, набитыми бумагами. Въ самой походкѣ, въ рѣчи, въ манерѣ держать себя было у него что-то нерывное, торопливое, какъ будто онъ боялся куда—нибудь опоздать или потерять даромъ одну минуту. Короче, это былъ человекъ, который совсѣмъ не зналъ, что значитъ бездѣлье.— Не менѣе, если не болѣе, широка была и его частная благотворительность. Многочисленный бѣдный людъ, пріютившійся около обители преп. Сергія, имѣлъ въ немъ щедраго помощника, хорошо зналъ его и повсюду осаждалъ своими просьбами. Самъ Ив. Н-чъ тщательно скрывалъ эту сторону своей души отъ взора постороннихъ, и только уже послѣ смерти его стало всѣмъ извѣстно, что напр. почти весь свой, довольно обильный литературный заработокъ онъ раздавалъ нуждающимся жителямъ Сергіева посада. Ласковое обхожденіе, сострадательность, готовность помочь ближнему сдѣлали его популярнѣйшей личностью среди посадскаго населенія, у котораго онъ, какъ въ профессорскомъ обществѣ и среди студентовъ, извѣстенъ былъ подъ именемъ „добрѣйшаго“.

Непрерывный, напряженный труд, характеризующий собой жизнь Пв. Н-ча, долженъ былъ печально сказаться и не на такомъ хрупкомъ организмѣ, какимъ надѣленъ былъ онъ отъ природы. Зачатки болѣзни, приведшей его къ смертному одру, явились у него очень рано, но только два года тому назадъ болѣзнь стала принимать рѣзкія формы. Обостренію положенія Пв. Н-ча наиболѣе способствовали его усиленные занятія по составленію докторской диссертации. Диссертация была представлена имъ въ концѣ 1897 года, а весной 1898 года онъ былъ уже принужденъ отправиться въ Крымъ для восстановления своихъ силъ. Сначала поѣздка принесла было благоприятные результаты. Не любившій терять даромъ времени, Пв. Н-чъ по возвращеніи изъ Крыма съ новой энергіей принялся за свои обязанности: въ теченіи всего 1898—1899 года онъ неправдѣйшимъ образомъ читалъ лекціи, сотрудничалъ во многихъ журналахъ и успѣлъ составить нѣсколько новыхъ литературныхъ работъ. Но это послѣднее напряженіе тяжело отразилось на его здоровьи къ концу учебныхъ занятій, такъ что новое путешествіе въ Крымъ не принесло уже осязательной пользы. Къ осени прошлаго года положеніе Пв. Н-ча настолько осложнилось, что онъ долженъ былъ оставить Сергіевъ посадъ и отправиться въ Москву въ университетскія клиники для систематическаго леченія. Скоро, однако, и отсюда стали получаться слухи, встревожившіе всѣхъ его знакомыхъ; особенно же тяжелы они были для Академіи и академической корпораціи. Печаль усиливало еще то обстоятельство, что въ Юль мѣсяцъ 1899 года только что исполнилось двадцатипятилѣтіе учебной службы Пв. Н-ча, но Академія отчасти по причинѣ капризнаго времени, отчасти по другимъ соображеніямъ и не предвидя ничего печальнаго въ будущемъ, не могла ознаменовать должнымъ образомъ этотъ день, обложивъ свои намѣренія до начала учебныхъ занятій. Однако, этимъ намѣреніямъ уже не суждено было осуществиться: все-таки, впрочемъ, профессорская корпорація не оставила своего почтеннаго сослуживца безъ великаго выраженія своей признательности по поводу исполнявшагося юбилея. По желанію ея, въ заранѣе пазначенный день большого парочито посѣтилъ Ректоръ Академіи Преосвященный Арсеній и передать ему сочувственное привѣтствіе и под-

ношеніе сослуживцевъ—икону Преп. Сергія.—Вообще, болѣзнь Ив. Н-ча вызвала общее проявленіе сочувствія къ нему всѣхъ знавшихъ его людей; Ректоръ Академіи и сослуживцы неоднократно посѣщали его въ Московскихъ клиникахъ. Удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ, между прочимъ, и Высокопреосв. Владиміръ, Митрополитъ Московскій, бесѣда котораго доставила большое утѣшеніе больному. Но ни тщательный уходъ врачей, ни заботы родныхъ и знакомыхъ не въ силахъ были предотвратить роковой исходъ. Подавъ въ отставку отъ службы, Ив. Н-чъ къ началу зимы уже въ безнадежномъ положеніи возвратился домой и сталъ готовиться къ неизбежному концу. Глубокая религіозность и истинно христіанская вѣра, одушевлявшая всегда Ив. Н-ча, сказались теперь въ немъ со всею силою; съ удивительнымъ терпѣніемъ онъ переносилъ страданія, заблаговременно успѣлъ исповѣдаться, причастился и принять елеосвященіе. 10-го Декабря въ 2 часа по полуночи, окруженный семьей и родными, онъ тихо и мирно отошелъ въ вѣчность.

Вѣсть о кончинѣ Ив. Н-ча еще раннимъ утромъ облетѣла Сергіевъ посадъ и повсюду принята была съ глубокимъ сожалѣніемъ. Въ академическомъ храмѣ, какъ только оказалось возможнымъ собрать всѣхъ служащихъ, тотчасъ же была совершена торжественная панихида Пресвященнымъ Ректоромъ Академіи и всѣмъ академическимъ духовенствомъ. Отслужены были также панихиды въ другихъ мѣстахъ, гдѣ новопредставленный былъ сотрудникомъ или имѣлъ почитателей, какъ-то въ Лаврѣ, въ церкви дома прирѣнія, въ помѣщеніи Общества Сергія и Никона. У тѣла же почившаго молитвенное пѣніе объ упокоеніи его души почти не прекращалось: академическое духовенство, Виѣанская духов. семинарія, монашествующая братія изъ Лавры Преп. Сергія и окружающихъ ее обитателей, причты приходскихъ церквей посада поочередно смѣнялись здѣсь въ молитвѣ за усопшаго. Домъ Ив. Н-ча былъ открытъ, и сюда сходились всѣ, желавшіе отдать ему послѣдній долгъ.—На другой день (11 Дек.) въ академической церкви отслужена была о. Инспекторомъ заупокойная литургія въ присутствіи корпораціи и студентовъ, а въ 5 ч. вечера этого дня состоялся выносъ тѣла почившаго въ академическую церковь.

На вынось въ домъ покойнаго собрались о. Инспекторъ Академіи, члены академическаго и приходскаго духовенства, профессора, студенты и представители мѣстнаго населенія. насколько это допускали размѣры помѣщенія. На гробъ почившаго теперь возложены были вѣнки отъ сослуживцевъ, студентовъ, членовъ Братства Пр. Сергія и пр. По приближеніи Преосв. Арсенія, началось папихидное пѣніе, во время котораго произнесъ рѣчь студентъ IV курса Александръ Левитскій ¹⁾; затѣмъ, гробъ съ тѣломъ почившаго былъ поднятъ студентами и процессія, во главѣ съ Преосвященнымъ Ректоромъ, двинулась по направленію къ Лаврѣ. Среди вечерняго мрака, освѣщаемое факелами и свѣчами, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства въ бѣлыхъ, блестящихъ облаченіяхъ и массы народа, при заунывномъ звонѣ лаврскихъ колоколовъ, это печальное шествіе представляло собой величественную картину, производившую сильное впечатлѣніе. На пути процессія нѣсколько разъ останавливалась, чтобы совершить литію въ мѣстахъ наиболѣе примѣчательныхъ для покойнаго. Въ академическомъ храмѣ гробъ почившаго былъ встрѣченъ краснорѣчивымъ словомъ профессора Н. А. Заозерскаго и, потомъ, началось всенощное бдѣніе.—Въ слѣдующій день (12 Дек.) заукойную литургію совершали Преосв. Ректоръ Академіи, Епископъ Арсеній въ сослуженіи очень большаго числа духовенства, а именно: Ректора Московскои духов. семинаріи, архимандрита Трифона, Инспектора Академіи архимандрита Евдокима, настоятеля Балаклавскаго монастыря въ Крыму игумена Стефана, преподавателя Московскои семинаріи свящ. Д. Фаворскаго, помощника инспектора Академіи іеромонаха Анастасія, бібліотекаря Троице-Сергіевой Лавры іеромонаха Иполита и четырехъ студентовъ-священниковъ. Во время запричастнаго стиха произнесена была прочувствованная рѣчь профессоромъ С. С. Глаголевымъ. Какъ на литургіи, такъ и на послѣдовавшемъ за нею отпѣваніи присутствовало множество народа, котораго даже не могъ вмѣстить въ себя довольно обширный академическій храмъ. Особенною торжественностью отличалось отпѣваніе: оно открылось рѣчью Преосв. Арсенія о христіанскомъ характерѣ и высокихъ уче-

¹⁾ Эта, какъ и всѣ нижеуказанныя рѣчи печатаются здѣсь же.

ныхъ заслугахъ почившаго, глубоко тронувшею слушателей. Затѣмъ, кромѣ служившихъ литургію, въ немъ приняли участіе: казначей Троице-Сергіевой Лавры архимандритъ Никонъ, болгарскій архимандритъ (студентъ Академіи) Анимъ, ректоръ Виѣнской семинаріи протоіерей А. А. Бѣляевъ, игумень Амфилохій, благочинный посадскихъ церквей протоіерей Н. Фаворскій, законоучитель Сергіево-посадской мужской гимназіи А. Смирновъ, священникъ Московской церкви „Красный звонъ“ Г. Ѳ. Виноградовъ, священники посадскихъ церквей: М. Багрецовъ, Г. Раевскій, А. Воскресенскій, П. Соколовъ и завѣдующій Лаврской иконописной школой іеромонахъ Кронидъ,—всего 22 лица. При стройномъ медленномъ пѣніи академическаго хора, часто прерываемое рѣчами, отпѣваніе продолжалось не менѣе двухъ часовъ, и только уже въ 3-мъ часу дня гробъ съ тѣломъ Нв. Н-ча, поднятый студентами, былъ вынесенъ изъ церкви. Теперь процессія приняла еще болѣе величественный видъ, чѣмъ наканунѣ. Во главѣ ея парами шло почти все духовенство, участвовавшее въ отпѣваніи, блистая своими свѣтлыми ризами, при чемъ ряды его заканчивались Преосв. Арсеіемъ, сопровождавшимъ почившаго до самой могилы; за гробомъ двигалась вся масса народа какъ стоявшаго въ церкви, такъ и оживавшая шествія около Академіи: новыя толпы, собравшіяся на улицахъ и перекресткахъ, встрѣчали и провожали процессію, а грустный звонъ лаврскихъ колоколовъ не умолкалъ почти до тѣхъ поръ, пока она не достигла кладбищенскихъ предѣловъ. Шествіе нѣсколько разъ останавливалось, чтобы совершить литію, и тогда народъ густымъ кольцомъ окружалъ гробъ, молясь за умершаго.—По прибытіи на кладбище гробъ съ тѣломъ почившаго внесенъ былъ въ кладбищенскую церковь, и здѣсь въ послѣдній разъ совершена была надъ нимъ панихида, за которою одинъ изъ студентовъ произнесъ рѣчь, а два другихъ прочли свои стихотворенія. Затѣмъ, тѣло почившаго перенесено было къ мѣсту послѣдняго успокоенія и предъ самимъ опусканіемъ гроба въ зияющую могилу сказана была почувствованная рѣчь студентомъ. По окончаніи же религіознаго обряда отпѣванія, изъ окружающей толпы выступила простая, бѣдноодѣтая женщина и надъ свѣжей могилой обратилась съ теплыми словами къ почившему.

приносилъ ему благодарность за благодѣянія. Простыя, но трогательныя слова женщины, прерванныя плачемъ, сильно подействовали на присутствующихъ; и—правда: эти слова и эти слезы бѣднячки были лучшимъ вѣнкомъ на могилу Ив. Н-ча, любившаго бѣдныхъ.

Въ чувствѣ глубокой скорби, уже въ 5-мъ часу вечера, возвратились съ печальныхъ проводовъ родные и сослуживцы Ив. Н-ча на номинальную трапезу, сознавая, что потеряли хорошаго человѣка, умнаго и неутомимаго дѣятеля. Да будетъ же ему вѣчная память!

А. Спасскій.
